

ИСТОРИЯ НЕОБЪЯВЛЕННОЙ ВОЙНЫ В ВОЗДУХЕ

С. П. ЕГОРШИН

Ход Корейской войны

В 1945 г. Корея была разделена по 38-й параллели. На Севере установился жесткий коммунистический режим Ким Ир Сена, поддерживаемый Советским Союзом и Китаем, а на Юге было сформировано авторитарное государство во главе с президентом Ли Сын Маном. Каждая из сторон заявляла о том, что именно она является законным правительством всей Кореи.

25 июня 1950 г., заручившись согласием и поддержкой Сталина, северокорейские войска перешли 38-ю параллель и вторглись в Южную Корею. Соединенные Штаты не были склонны мириться с переходом Южной Кореи под власть коммунистов.

Во время вторжения Советский Союз бойкотировал заседания Совета Безопасности, в результате Организация Объединенных Наций приняла резолюцию, осуждающую агрессию Северной Кореи и одобряющую оказание прямой военной помощи Южной Кореи. Таким образом, формально война в Кореи велась северокорейцами при активной поддержке СССР и Китая против ООН. Хотя США предоставили основную часть сил ООН, Англия, Франция, Австралия и другие страны также направили в Корею свои войска.

В течение первых двух месяцев северокорейские войска захватили почти всю территорию Южной Кореи, включая столицу Сеул. 16 сентября базировавшиеся в Японии американские войска высадились в Инчхоне, неподалеку от Сеула, а на следующий день — в Вонсане, на другом берегу Кореи. Войска под командованием генерала Макартура быстро освободили Сеул, отрезав находящиеся на юге части Северной Кореи. Достигнув 38-й параллели, Макартур прика-

зал войскам продвигаться к китайской границе. 26 октября пал Пхеньян.

Через месяц войска ООН достигли китайской границы. Но 26 ноября почти миллионная китайская армия, вооруженная Советским Союзом, вступила в войну. Объединенные северокорейские и китайские войска, прикрываемые с воздуха летчиками 64-го истребительного авиационного корпуса ВВС СССР, в ходе сокрушительного контрнаступления вновь захватили Сеул.

В марте 1951 г. в результате наступления войскам ООН удалось вернуть Сеул и продвинуться севернее 38-й параллели. В ответ почти немедленно последовало новое мощное контрнаступление китайской армии, кульминацией которого стало яростное сражение за Сеул, выигранное коммунистами.

В начале июня войска ООН вновь продвинулись вперед. 10 июля представители воюющих сторон встретились в Кэсоне для обсуждения возможностей достижения перемирия. Военные действия продолжались и во время переговоров, но, как правило, в меньших масштабах. К ноябрю, когда коммунисты приняли предложение командования ООН о проведении демаркационной линии, она совпала, в основном, с линией фронта, стабилизировавшимся несколько севернее 38-й параллели.

18 августа 1952 г. началась операция «Мертвая хватка»: Северная Корея подверглась сверхинтенсивной бомбардировке, целью которой было разрушение систем снабжения и связи войска, при этом главная задача сводилась к выводу из строя железных дорог. Армия США проводила массированные ковровые бомбардировки, преимущественно зажигательными бомбами, всей территории Северной Кореи, включая мирные поселения. Десятки тысяч галлонов напал-

ма сбрасывалось каждый день на северокорейские города.

За последующие два месяца были разрушены все железнодорожные узлы, почти все северокорейские аэродромы, установлена полная морская блокада. К концу 1952 г. усилились наземные военные действия, потребовавшие большей поддержки с воздуха.

В мае и июне 1953 г. ВВС США преследовали цель: разрушить несколько ключевых ирригационных сооружений и плотин ГЭС, для того, чтобы нанести существенный урон сельскому хозяйству и промышленности на севере полуострова. Плотины на реках Кусонган, Токсанган и Пуджонган были разрушены, и огромные пространства земли затоплены, что вызвало голод среди мирного населения.

Наконец, после одних из самых продолжительных переговоров о прекращении огня в Паньмыньчжоне 26 июля 1953 г. было подписано соглашение о перемирии. Корейская война завершилась. В ходе ее погибло более одного миллиона человек.

Корейская война стала последним вооруженным конфликтом, в котором заметную роль играли поршневые самолеты, такие как F-51 «Мустанг», F4U «Корсар», A-1 «Скайрейдер», а также использовавшиеся с авианосцев самолеты Супермарин «Сифайр», Фэйри «Файрфлай» и Хокер «Си Фьюри», принадлежавшие Королевскому флоту (Англия) и австралийскому Королевскому флоту. Они стали заменяться на реактивные F-80 («Шутинг Стар»), F-84 («Тандерджет»), F9F («Пантер»).

Поршневые самолеты северной коалиции включали Як-9 и Ла-9. Осенью 1950 г. в войну вступил советский 64-й истребительный авиакорпус, вооруженный новыми реактивными самолетами МиГ-15. Несмотря на меры секретности (использование китайских и корейских опознавательных знаков и военной формы), западные летчики знали об этом, однако ООН не предприняла никаких дипломатических шагов, чтобы не обострять и без того напряженные отношения с СССР.

МиГ-15 был наиболее современным советским самолетом и превосходил американские F-80 и F-84, не говоря уже о старых поршневых машинах. Даже после того, как в Корею американцами были посланы новейшие самолеты F-86 «Сейбр», советские машины продолжали удерживать преимущество над рекой Ялуцзян, так как МиГ-15 имели больший практический потолок, хорошие разгонные характеристики, скороподъемность и

вооружение (3 пушки против 6 пулеметов), хотя скорость у МиГ-15 и F-86 была практически одинаковой. Китайские войска также были оснащены реактивными самолетами МиГ-15, однако качество подготовки их пилотов оставляло желать лучшего.

МиГ-15 и «Сейбр» F-86

Пауза в боевом применении истребителей после Второй мировой войны длилась всего пять лет. Не успели еще историки дописать труды о прошедших сражениях, как в небе далекой Кореи разразились новые. Был открыт счет широкомасштабным локальным войнам, которые потрясали мир регулярно в каждом последующем десятилетии.

Многие специалисты называют эти войны своеобразными полигонами для испытаний новой боевой техники. По отношению к войне в Корею это определение подходило в полной мере. Впервые проверяли свои боевые возможности реактивные истребители, самолеты-разведчики, истребители-бомбардировщики. Особое значение придавалось противоборству реактивных самолетов — советского МиГ-15 и американского «Сейбра» F-86.

МиГ-15 и «Сейбр» F-86 — это представители первого поколения реактивных истребителей, мало отличавшиеся по своим боевым возможностям, поскольку прототипом для обеих машин был немецкий Me-262. Наш самолет был легче на две с половиной тонны (взлетный вес 5044 кг), однако «тяжесть» «Сейбра» компенсировалась большей тягой двигателя (4090 кг против 2700 кг у МиГа). Тяговооруженность же у них была практически одинаковой — 0,54 и 0,53, как и максимальная скорость у земли — 1100 км/ч. На большой высоте МиГ-15 получал преимущество в разгоне и скороподъемности, а «Сейбр» лучше маневрировал на малой высоте. Он мог также дольше держаться в воздухе, располагая 1,5 тоннами «лишнего» топлива.

Установка реактивных двигателей на самолеты и реализация в их конструкции последних достижений аэродинамики сделали «рабочим» околосвуковой диапазон скоростей полета. Истребители вторглись в стратосферу (практический потолок «Сейбра» — 12 км, а МиГ-15 — 15 км). Разные подходы были очевидны только в вооружении. МиГ-15 имел одну 37-мм и две 23-мм пушки, «Сейбр» — шесть 12,7-мм пуле-

МиГ-15

метов (в конце войны появились «Сейбры» с четырьмя 20-мм пушками). В целом анализ «анкетных» данных не позволял даже искушенному эксперту определить потенциального победителя. Ответ могла дать только практика.

Уже первые бои показали, что вопреки прогнозам, технический прогресс кардинально не изменил форм и содержания вооруженного противоборства в воздухе. Бой сохранил все традиции и закономерности прошлого. Он остался ближним, маневренным, групповым. Во многом это объяснялось тем, что вооружение истребителей качественных изменений практически не претерпело. На борт реактивных самолетов перекочевали пулеметы и пушки с поршневых истребителей — участников Второй мировой войны, поэтому «убойная» дальность и область возможных атак почти не изменились. Относительная слабость разового залпа вынуждала, как и пре-

«Сейбр» F-86

жде, компенсировать ее количеством «стволов», участвующих в атаке самолетов.

Трижды Герой Советского Союза Иван Кожедуб, командовавший дивизией в корейской войне, писал: «Главное — в совершенстве владеть техникой пилотирования и стрельбой. Если внимание летчика не поглощено процессом управления самолетом, то он может правильно выполнить маневр, быстро сблизиться с противником, точно прицелиться и нанести ему поражение».

МиГ-15 был создан для воздушного боя и полностью соответствовал своему целевому назначению. Конструк-

торы сохранили в самолете идеи, воплощенные еще в МиГ-1 и МиГ-3: скорость — скороподъемность — высота, что позволяло летчику ориентироваться на ярко выраженный наступательный бой. У наших летчиков не возникало сомнения в том, что они воюют на лучшем истребителе в мире.

Боевая ниша?

К середине 1951 г. войскам ООН, которые брали численным преимуществом, удалось уравнять положение в воздухе и удерживать равенство до конца войны.

Среди других факторов, которые помогали южной коалиции удерживать паритет в воздухе, была удачная радарная система (из-за которой на МиГи начали устанавливать первые в мире системы радарного предупреждения), лучшая устойчивость и управляемость на высоких скоростях и высотах, а также использование пилотами специальных костюмов.

Прямое техническое сравнение МиГ-15 и F-86 неуместно, ввиду того, что основными целями первых были тяжелые бомбардировщики B-29 (по американским данным, от действий истребителей противника потеряно 16 B-29, по советским данным, сбито 69 этих самолетов), а целями вторых — сами МиГ-15.

Американская сторона заявляла о том, что было сбито 792 МиГа и 108 других самолетов (хотя документально подтверждено только 379 воз-

душных побед американцев!), при потере всего 78 F-86. Советская же сторона заявляла о 1106 воздушных победах и 335 сбитых МиГ-ах. Официальная статистика Китая говорит о 231 самолете, сбитом в воздушных боях (преимущественно МиГ-15), и о 168 других потерях. Число потерь воздушных сил Северной Кореи остается неизвестным. По некоторым оценкам она потеряла около 200 самолетов на первом этапе войны и около 70 после вступления в боевые действия Китая. Так как каждая из сторон приводит свою статистику, трудно судить о реальном положении вещей.

Заявленные общие потери в войне авиации Южной Кореи и сил ООН (боевые и не боевые) составили 3046 самолетов всех типов.

Несмотря на значительное внимание, уделяемое в 1990–2000-е гг. американскими и российскими историками теме воздушной войны в Корее, существует еще немало «белых пятен» в истории этой войны. Истинное число воздушных побед ВВС США и СССР остается дискуссионным, так как официальная статистика обеих сторон существенно расходится. Как показывают исследования, расхождения в цифрах обычно вызваны объективными причинами. Известны случаи, когда «сбитые» американские и советские самолеты успешно возвращались на базы, и наоборот, когда самолет, засчитанный как «поврежденный», падал, не долетев до аэродрома. Таким образом, все приведенные цифры, как и любая военная статистика, в будущем могут стать объектом для пересмотра и уточнения.

Тем не менее, складывается впечатление, что заявленному СССР соотношению потерь реактивных самолетов в схватке с США (со стороны СССР потеряно 335 МиГов, со стороны США потеряно 650 «Сейбров») можно верить. Этот вывод в определенной мере подтверждает статистика сбитых противников асами корейской войны.

Во время войны в Корее произошли первые в истории авиации воздушные бои между реактивными истребителями. По своему размаху и интенсивности эти воздушные бои являлись наиболее значимыми после Второй мировой войны. Результатом этого стало появление достаточно большого числа асов — летчиков, имевших на своем личном счету 5 и более воздушных побед.

За время войны статус асов получили пилоты США, СССР, Северной Кореи и Китая. Ни один из пилотов ВВС Великобритании, Австралии и Южно-Африканского Союза, участвовавших в боевых действиях на стороне ООН, не одержал более 3 побед.

Точное число северокорейских асов неизвестно. Лучшие из них: Ким Ги Ок (17 побед), Ли Донг Чу (9), Кан Ден Дек (8) и др.

Согласно китайским данным, асами в Корее стали не менее 12 китайских пилотов: Дун Вен (10 побед), Ван Хай (9), Чжао Баотун (9) и др.

Асом в Корее стал 51 советский летчик. Сам факт участия СССР в Корейской войне был официально признан в Советском Союзе только в 1970–1980-е гг. В начале 1990-х г. стали доступны ранее засекреченные данные о победах советских пилотов. Однако имеющаяся информация страдает неполнотой, поэтому в ряде случаев источники называют разное число побед для каждого отдельного летчика. Если принимать цифры побед героев Советского Союза Николая Сутягина (22 победы) и Евгения Пепеляева (23 победы) за достоверные, то эти два пилота являются самыми результативными реактивными асами в истории авиации, опережая лучших немецких и израильских летчиков.

Другие асы: Дмитрий Павлович Оськин (15) — Герой Советского Союза, Лев Кириллович Щукин (15) — Герой Советского Союза, Сергей Макарович Крамаренко (13), Александр Павлович Сморгчов (12 или 15) — Герой Советского Союза и другие.

По официальной статистике США в ходе войны асами стали 40 американских пилотов. При этом 7 из них были асами и во Второй мировой войне. К началу войны во Вьетнаме некоторые из асов Кореи еще служили в ВВС США, однако во Вьетнаме они, насколько известно, не сбили ни одного самолета противника. В первой половине Корейской войны воздушными героями США были Джеймс Джабара (15 побед) и Джордж Дэвис (14). Два лучших аса, соперничавших между собой — Макконнелл (16) и Фернандес (14) — появились лишь в 1953 г. В мае им обоим запретили полеты, опасаясь потерять новых героев войны, из-за чего они не сумели повысить свой счет за оставшиеся два месяца боевых действий.

Если сравнить количество побед сорока лучших асов со стороны СССР и сорока лучших асов со стороны США, то у советских летчиков окажется почти на сто побед (на 30 %) больше.

О тактике ведения воздушных боев

Одной из сильных сторон МиГ-15 был более высокий поражающий потенциал, что позволяло ему иметь выигрыш на основном этапе боя — атаке. Однако для победы требовалось накопить

информационное и позиционное преимущество на предыдущих этапах.

Летчик (ведущий группы) мог захватить инициативу и начать диктовать «Сейбрам» свои условия, если первым получал сведения о противнике. Резерв времени использовался для составления плана (замысла) боя, занятия выгодной исходной позиции, перестроения боевого порядка. Здесь летчику помогал наземный командный пункт, располагавший техническими средствами дальнего обнаружения. Перед установлением ближнего зрительного контакта с «Сейбрами» боевой расчет КП информировал летчика об обстановке и местонахождении всех обнаруженных «целей». МиГ-15, располагая несколько большим избытком тяги (особенно на большой высоте), мог быстрее «Сейбра» сократить дистанцию и подойти к противнику. Скрытность обеспечивалась камуфляжной окраской самолета («под местность» — сверху, «под небо» — снизу). Тактические требования обязывали умело использовать солнце и облака, варьировать плотностью построений самолетов в воздухе.

Прямолинейный полет, совмещавший встречное сближение с атакой, стал возможным только через тридцать лет, после оснащения истребителей радиолокаторами и ракетами средней дальности. МиГ-15 сочетал сближение с крутым маневром в заднюю полусферу противнику. Если «Сейбр» замечал МиГ на безопасном расстоянии, то стремился навязать ему маневренный бой (особенно на малых высотах), который нашему истребителю был невыгоден.

Хотя МиГ-15 и несколько проигрывал «Сейбру» в горизонтальном маневре, но не настолько, чтобы отказываться от него при необходимости. Активность обороны связывалась со слетанностью пары и реализацией тактического (организационного) принципа «меч» и «щита». Функция первого — атака, второго — прикрытие. Опыт показывал: неразрывная и согласованно действующая пара самолетов МиГ-15 неуязвима в ближнем маневренном бою.

В трехэлементном построении эскадрильи пара или звено получали еще одну функцию, которая считалась многоцелевой: наращивание усилий, резерв, свободный маневр. Пара держалась «выше всех», имея широкий обзор и была готовой первой устранить угрозу внезапного нападения, а также поддержать «меч» или «щит» при необходимости. Продуктом творческой мысли летчиков была новая «организация» — шестерка истребителей с распределением функций, аналогичных для эскадрильи.

Во время корейской войны боевые расчеты наземных командных пунктов стали полноправными участниками воздушного боя. Решение на вылет эскадрильи принимал обычно командный пункт корпуса после обнаружения воздушного противника на пределе «видимости» наземных радиолокаторов, расположенных на своей (китайской) территории. Наблюдавший за обстановкой по экрану обзорной РЛС штурман наведения выводил истребителей на рубеж ввода в бой. Ведущему группы давалась сначала осведомительная, а затем командная информация. Первая (о противнике) принималась к сведению, вторая исполнялась. КП стремился обеспечить МиГ-15 тактически выгодное положение перед установлением визуального контакта с «Сейбрами». Зрительно обнаружив «цель», ведущий принимал управление на себя. За КП оставалась функция оповещения.

Порядок ввода в бой зависел от расстановки сил противника и расстояния до него. «Сейбры» не подчинялись стандартам, меняли структуру построения в воздухе. Поэтому наивыгоднейший вариант «удар — прикрытие — наращивание усилий» мог оказаться проигрышным. Смелая замысла должна была происходить мгновенно, ибо времени на раздумье не оставалось.

После вклинивания в боевой порядок «Сейбров» бой распадался на звеньевые, а затем и парные схватки. Командир эскадрильи, занятый уже «своим» противником, не мог контролировать действия всех своих подчиненных. Происходила преднамеренная децентрализация управления. Командиры звеньев получали самостоятельность — право принимать решения «по обстановке». Командный пункт оповещал о подходе резервов противника, следил за временем (остатком топлива) и мог выводить истребителей из боя. Для прикрытия отхода высылались дополнительные силы.

Важно заметить, что все командиры дивизий и большинство командиров полков МиГ-15 участвовали в Великой Отечественной войне, владели навыками оперативного руководства. «Опыт не устаревает, он только переосмысливается и приспособляется к конкретным условиям», — писал прославленный ас, трижды Герой Советского Союза А. И. Покрышкин. Для переосмысливания тактики не потребовалось больших усилий. Построение эскадрильи этажеркой было заимствовано из сражения на Кубани в 1943 г., не изменились и функции групп, входивших в него. Прежними остались принципы группового боя.

Успех летчиков, воевавших на реактивных МиГ-15 определяли: техника, возможности которой полностью соответствовали условиям боевых действий; максимальное использование сильных сторон своего оружия; рациональная тактика (теория и практика боя); налаженное взаимодействие, умение командиров распоряжаться в воздухе вверенными им ресурсами.

Необходимо раскрыть и причины боевых потерь. Отметим, что из 335 сбитых МиГ-15 большой процент (более половины) связан со случаями благополучного покидания поврежденного (потерявшего управление) самолета летчиками. Почти все они возвращались в строй и с почтением отзывались о надежности и простоте системы катапультирования МиГ-15.

Большая доля понесенных потерь происходила на посадке. Аэродромы первой линии (Аньдун, Дапу, Мяогоу) располагались близко к морю, а со стороны моря МиГ-15 заходить запрещалось. Вот там и сосредоточивались «Сейбры» со специальным заданием: атаковать МиГов над аэродромом. На посадочной прямой самолет находился с выпущенными шасси и закрылками, то есть не был готов отразить атаку или уклониться от нее. Качества техники и уровень подготовки летчика теряли в этой вынужденной ситуации свою роль.

Большинство сбитых непосредственно в боях — это одиночки, «оторвавшиеся от строя» и лишенные поддержки. Статистика свидетельствует и о том, что пятьдесят процентов потерь летного состава понесено в первых десяти боевых вылетах. Выживаемость, таким образом, тесно связана с наличием опыта. Внимательное отношение к опыту, заимствование всего полезного, не потерявшего актуальности — отличительная черта боевой деятельности наших истребителей в Корее.

Заключение

За три года необъявленной воздушной войны в Корее между СССР и США летчики 64 ИАК (истребительного авиационного корпуса) под командованием Ивана Кожедуба провели 1872 воздушных боя, сбили 1106 самолетов американского производства, из них 650 «Сейбров». Потери МиГов составили 335 самолетов.

Если сравнить количество побед сорока лучших асов со стороны СССР и сорока лучших асов со стороны США, то у советских летчиков окажется почти на сто побед (на 30 %) больше.

Можно считать, что в необъявленной войне в небе над Кореей в 1950–1953 гг. советские летчики схватку с американскими пилотами на реактивных машинах ни в коей мере не проиграли.

Скорее всего — выиграли.

ЕГОРШИН Сергей Павлович —
старший научный сотрудник
ИТМФ РФЯЦ-ВНИИЭФ

Послесловие

А. К. ЧЕРНЫШЕВ

Рассматривая ядерное противостояние конца 40-х — начала 50-х гг. XX века, когда у СССР было возможности сдерживать США из-за отсутствия ядерных зарядов и средств доставки, резонно спросить: «Почему США не начали войну?». Нам представляется, что они хорошо уяснили себе уроки битвы под Москвой в 1941 г. и уроки Корейской войны в 1950–1953 гг.

Под Москвой фашисты в бинокль видели Кремль, а бомбить его не могли из-за эффективных действий советской ПВО. А в Корее блестящие действия советских летчиков, которые воевали против войск ООН (в первую очередь США) и сбили более 3000 самолетов коалиции, в том числе более 650 реактивных самолетов США и послужили, по нашему мнению, основой ядерного сдерживания в то время.

В середине 1950-х гг. начали появляться ракеты, а в результате Карибского кризиса 1961 г. США были вынуждены ликвидировать военные базы в Турции, и только в середине 1970-х гг. можно было уверенно говорить о ядерном сдерживании СССР, после чего США начали переговоры о сокращении ядерных вооружений и... началась «перестройка». Статья С. П. Егоршина о Корейской войне в воздухе написана к 60-летию со дня испытания первой советской атомной бомбы, с которой и началось ядерное сдерживание.

ЧЕРНЫШЕВ Александр Константинович —
заместитель научного руководителя
РФЯЦ-ВНИИЭФ, начальник комплексного
отдела ИТМФ РФЯЦ-ВНИИЭФ